

НЕЗНАЙЩИХ СМЫСЛА

**ГРАЖДАНЕ,
НЕ ДАВАЙТЕ ВЗЯТОК!**
ОБРАЩАЙТЕСЬ В ТРОЙКУ С ЖАЛОБАМИ НА
ВЫМОГАТЕЛЕЙ ВЗЯТКИ; ВАША ЖАЛОБА БУДЕТ
РАССМОТРЕНА НЕМЕДЛЕННО.
СУРОВАЯ КАРА ЖДЕТ ВЗЯТОЧНИКА.

ИСКУССТВО ВЗЯТКИ

Коррупция при Сталине
1943-1953

ОН ПОСТИГ ОДНУ НАУКУ, —
КАК ВЕРНЕЕ ВЗЯТКИ БРАТЬ
НАДО ДАТЬ ЕМУ ... НЕ „В РУКУ“
„ПО РУКАМ“ ПОКРЕПЧЕ ДАТЬ.

История сталинизма

Джеймс Хайнцен

**Искусство взятки. Коррупция
при Сталине, 1943–1953**

Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия"

2017

УДК 43.35(47+57)
ББК 66.3(2Рос)3

Хайнцен Д.

Искусство взятки. Коррупция при Сталине, 1943–1953 /
Д. Хайнцен — Автономная некоммерческая организация
"Издательство "Политическая энциклопедия", 2017 — (История
сталинизма)

ISBN 978-5-8243-2431-0

Американский историк Джеймс Хайнцен специализируется на советской истории сталинской эпохи, уделяя немало внимания теневой экономике периода. Свою книгу он посвятил теме коррупции, в частности взяточничества, в СССР в период позднего сталинизма. Автор на довольно обширном архивном материале исследует расцвет коррупции и попытки государства бороться с ней в условиях послевоенного восстановления страны, реконструирует обычаи и ритуалы, связанные с предложением и получением взяток, уделяет особое внимание взяточничеству в органах суда и прокуратуры, подробно описывает некоторые крупные дела, например дело о коррупции в высших судебных инстанциях ряда республик и областей СССР в 1947-1952 гг. Книга предназначена для специалистов-историков и широкого круга читателей, интересующихся историей СССР XX века. В формате PDF A4 сохранен издательский макет.

УДК 43.35(47+57)
ББК 66.3(2Рос)3

ISBN 978-5-8243-2431-0

© Хайнцен Д., 2017

© Автономная некоммерческая
организация "Издательство
"Политическая энциклопедия", 2017

Содержание

Благодарности	8
Введение	10
Взятничество в послевоенном ландшафте	14
Источники	18
Главы	21
Часть I	23
1. Картина взяточничества и коррупции под сенью сталинизма	23
«На что ж привешены нам руки?»: Практики взяточничества в конце эпохи царизма и в ранние советские годы	24
«На фронте борьбы со взяточничеством» после большевистской революции	26
Послевоенный «базар» коррупции	29
Взяточничество как вид преступления – историческая справка	31
Отголоски войны	32
Как улаживались дела: Виды и функции взятки	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Джеймс Хайнцен

Искусство взятки. Коррупция при Сталине, 1943-1953

James Heinzen
The Art of the Bribe
Corruption Under Stalin, 1943–1953

© Пантина Л. Ю., перевод на русский язык, 2021

© Политическая энциклопедия, 2021

Джеймс Хайнцен – американский историк, специалист по советской истории сталинской эпохи и теневой экономике периода. Свою книгу он посвятил теме коррупции, в частности взяточничества, в СССР в период позднего сталинизма. Автор на довольно обширном архивном материале исследует расцвет коррупции и попытки государства бороться с ней в условиях послевоенного восстановления страны, реконструирует обычаи и ритуалы, связанные с предложением и получением взяток, уделяет особое внимание взяточничеству в органах суда и прокуратуры, подробно описывает некоторые крупные дела, например дело о коррупции в высших судебных инстанциях ряда республик и областей СССР в 1947–1952 гг.

Благодарности

Я благодарен многим организациям и учреждениям, которые помогали финансировать исследования для данного проекта: Национальному фонду гуманитарных наук (National Endowment for the Humanities, NEH), библиотеке и архиву Гуверовского института войны, революции и мира (Hoover Institution on War, Revolution, and Peace) при Стэнфордском университете, включая его летние архивные семинары, Национальному совету по исследованиям Евразии и Восточной Европы (National Council for Eurasian and Eastern European Research, NCEEER), Кеннановскому институту Центра Вудро Вильсона и Архиву открытого общества в Центральноевропейском университете (Будапешт). Мои деканы в Университете Роуэна предоставляли мне возможность путешествовать и заниматься научной работой.

Хочу поблагодарить людей, великодушно читавших части моей рукописи, доклады для конференций, черновики статей и высказывавших ценные советы и предложения: Йорама Горлицкого, Стивена Коткина, Дэвида Бранденбергера, Пола Грегори, Юджина Хаски, Бенджамина Натанса, Питера Холквиста, Джеффри Джонса, Венди Голдман, Дона Роуни, Альфреда Рибера, Андрея Маркевича, Марка Харрисона, Ванессу Вуазен, Леонида Бородкина, Гольфо Алексопулос, Кэтрин Хендли, Юлиану Фюрст, Роберта Вайнберга, Бекки Гриффин-Хайнцен и Билла Хайнцена.

Пол Грегори пригласил меня на замечательные семинары по сталинизму, которые он организовал в Гуверовском архиве в Стэнфорде. Семинары проходили в стимулирующей, товарищеской атмосфере и обеспечили мне знакомство с прекрасными гуверовскими собраниями документов и с персоналом архива, в том числе его директорами Эриком Уокином и Еленой Даниэльсон, архивариусом Лорой Сорокой и директором читального зала Кэрол Лиденхем. Я признателен за содействие ряду профессиональных архивариусов и работников российских архивов, включая Галину Горскую, Нину Абдуллаеву, Елену Тюрину, Татьяну Царевскую, сотрудникам Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ). Чудесными научными ассистентами в Университете Роуэна были для меня Мелисса Амбрикко Шварц, Грегори Хоупли, Эдвард Пёрселл и Каресса Линч.

Особую благодарность выражаю Питеру Соломону, который неизменно ободрял и всецело поддерживал меня в течение десяти с лишним лет, пока я писал эту книгу. Он прочел всю рукопись и множество докладов для конференций, терпеливо консультируя меня. Я признателен также Дэвиду Ширеру. Наши «марафонские» ланчи помогли моему осмыслению советской истории. Дэйв читал большие отрывки рукописи, часто еще очень сырые, и выдвигал полезные предложения по любому аспекту книги. Вообще мои замечательные коллеги по историческому факультету Университета Роуэна – прекрасные люди, великолепные ученые и преподаватели. Особенно благодарю председателей факультета Билла Керригана, Эдварда Ванга, Джой Уилтенбург и секретаря факультета Денизу Уильямс. Когда я уже близился к завершению проекта, Уильям Джордан, Филип Норд и Дэвид Абрахам неожиданно нашли время поделиться со мной своими знаниями о бытовой коррупции. Хочу еще поблагодарить Беверли Майклс, редактора издательства Йельского университета, чья тщательная вычитка рукописи сделала книгу намного лучше.

Бекки Гриффин-Хайнцен давала мне советы и прочла каждую главу по многу раз, безмерно улучшив книгу во всех отношениях. Ей я чрезвычайно обязан как в этом, так и в других вещах, больших и малых. Мои дети, Конор и Джей Хайнцен, многие годы дарили мне необычайное вдохновение, демонстрируя любознательность, отвагу и большое чувство юмора. Эта книга посвящается им.

Некоторые части книги выходили в свет раньше. Расширенная версия главы 3 напечатана в виде статьи: *The Art of the Bribe: Corruption and Everyday Practice in the Late Stalinist USSR* // *Slavic Review*. 2007. Vol. 66. No. 3. Основное содержание главы 4 составило статью: *Thirty Kilos of Pork: Cultural Brokers, Corruption, and the «Bribe Trail» in the Late Stalinist Soviet Union* // *Journal of Social History*. 2013. Vol. 46. No. 4. Глава 6 издана в более пространный вариант: *Informers and the State under Late Stalinism: Informant Networks and Crimes against «Socialist Property», 1940-1953* // *Kritika: Explorations in Russian History*. 2007. Vol. 8. No. 4. Ряд разделов главы 5 впервые появились как статья в сборнике под названием: *A Campaign Spasm: Graft and the Limits of the «Campaign» against Bribery after the Great Patriotic War* // *Late Stalinist Russia: Society between Reconstruction and Reinvention* / ed. J. Furst. London; New York, 2006.

* * *

Все вышеназванные заслуживают признательности за помощь в написании этой книги. Нечего и говорить, что вина за ее недостатки целиком лежит на мне.

Введение

После распада Советского Союза в 1991 г. традиции и практики взяточничества, унаследованные от советской эпохи, продолжали царить почти в любой сфере жизни современной России. Несмотря на большой интерес к темам коррупции и черного рынка в последние десятилетия существования СССР, мало внимания уделяется тому же явлению в немаловажный период от Второй мировой войны до смерти Сталина в 1953 г. Вслед за самим военным хаосом эти послевоенные годы, известные под названием «позднего сталинизма», сыграли основную роль в эволюции коррупции советской поры. К середине войны, в 1943 г., незаконная подпольная экономическая деятельность, хищения государственной собственности и взяточничество доставляли немало забот руководителям коммунистической партии, так как, по всей видимости, глубже проникли в советский быт.

СССР при Сталине представлял собой крайне репрессивный режим, который, тем не менее, испытывал большие трудности с поддержанием дисциплины среди собственных должностных лиц. Этот парадокс – распространение практик взяточничества во время апогея сталинской диктатуры – лежит в основе данного исследования. Бюрократы взимали с рядовых граждан (и друг с друга) плату за свои услуги. Подобные сделки входили в систему уловок и умасливания, характерных для взаимоотношений индивидов с представителями советской власти. В 1943 г. сталинская партия-государство старалось понять корни всплеска такого неформального поведения среди своих служащих и принять меры к его обузданию. Вместе с тем, однако, режим невольно создавал условия, в которых могли процветать незаконные сделки между советскими чиновниками и гражданами.

Мало кто из ученых писал о коррупции и экономических преступлениях того периода, даже когда исследовал другие типы преступности¹. Преобладало мнение, что в поздний сталинский период среди должностных лиц наблюдалось мало реальной коррупции. Большинство кремлинологов и современников полагало, что госслужащие были слишком запуганы, чтобы осмелиться брать взятки². После волны громких процессов по делам о взятках в начале 1920-х гг., по их мнению, взяточничество в сталинские годы практически не подавало признаков жизни. Тем самым подразумевалось резкое различие между двумя периодами: для эпохи «застоя» при Брежневе и его ближайших преемниках (1964-1985) была якобы характерна наглая продажность, поощряемая политическим склерозом и бюрократизацией на всех уровнях, тогда как при Сталине коррупция представляла собой сравнительную редкость и даже в некотором роде аберрацию. Данное исследование прямо противоречит подобным взглядам³. На самом деле послевоенный сталинский период подготовил почву для расцвета коррупции «зрелого социализма» в 1960-1980-е гг.

Тем, кто старается отыскать корни коррупции, поразившей Советский Союз в брежневские годы, следует присмотреться к более ранним временам – послевоенному сталинскому периоду. Разумеется, взяточничество и другие виды коррупции не появились впервые при позднем сталинизме. В предвоенные годы наблюдалось множество таких же случаев расхищения государственной собственности, незаконного использования связей и махинаций на черном рынке, какие превалировали в позднесталинскую эпоху⁴. Однако в послевоенный период подобного рода действия имели черты как сходства, так и различия с тем, что было раньше. Вторая мировая война и послевоенные кризисы повлияли на характер коррупционной деятельности в последние сталинские годы (и в дальнейшем).

Что представляла собой коррупция в советском контексте? Я выбрал классическое и сравнительно точное определение коррупции: злоупотребление служебным положением с целью собственного обогащения или получения других материальных преимуществ. Есте-

ственно, любые определения криминального поведения, даже самые ясные с виду, не лишены расплывчатости. Тем не менее данное определение коррупции включает взяточничество, хищение должностными лицами государственной собственности в личных целях, растрату и незаконное присвоение государственных средств, а также некоторые типы злоупотребления служебным положением ради личной выгоды.

Оставаясь в этих широких рамках должностной коррупции, я предпочел в данной книге поставить во главу угла *Дачу и получение взяток*. В юриспруденции взяточничество, как правило, трактуется как дарение любого рода ценностей, деньгами или натурой (в виде продуктов, товаров, услуг), которое неподобающим образом влияет на решения государственных служащих в пользу дарителя. Взяточничество и коррупция – не синонимы, однако взяточничество является парадигматическим видом коррупции. В Советском Союзе именно ругаемый на все лады служащий-взяточник символизировал коррупцию для народного сознания и народной культуры. Конечно, хватало и других видов злоупотребления служебным положением. Но когда советское государство периодически ополчалось против «бича коррупции», главной мишенью гневной риторики властей становился взяточник.

В книге «Искусство взятки» рассматриваются некоторые важнейшие аспекты послевоенного советского мира в последние годы жизни Сталина. Как все переходные периоды, поздний сталинизм включает много элементов, общих с прежними временами. Очевидно, однако, что военная разруха наложила глубокий отпечаток на советское общество и государственные структуры. Неформальные механизмы устройства дел укоренились в ослабленных партийно-государственных институтах, подготовив плодородную почву для противоправных отношений, основанных на взяточничестве. В то же время война привнесла новые трудности в повседневный быт.

* * *

Изучение взяточничества, к которому были причастны представители всего социального спектра, дает возможность рассмотреть динамику взаимоотношений государства, общества и преступности. Феномен взятки проливает свет на социально-политические последствия сталинизма и своеобразие уклада повседневной жизни. В более широком смысле анализ коррупции выявляет дисфункции диктатур и ограниченность авторитарных государств. Такое исследование описывает и объясняет непрозрачные, трудные для изучения неофициальные отношения, характерные для закрытых обществ, лишенных политической конкуренции, свободной прессы и независимого правосудия.

В сталинском СССР взяточничество одновременно многое давало и многое отбирало. Взяточничество и другие формы административной коррупции могли в краткосрочной перспективе служить источником стабильности, скрепляя сети неофициального партнерства и «подмазывая колеса» ради распределения дефицитных товаров и услуг среди населения с помощью обширной «теневой экономики». Взятка кому следует помогала людям сгладить острые углы существования в чрезвычайно тяжелых условиях, даже если это требовало значительного риска и большой цены. Как утверждается в данной книге, взяточничество составляло неотъемлемую часть неофициальных, но существенных цепочек отношений, необходимых для функционирования большей части советского общества и государственной администрации.

Однако в долгосрочной перспективе взяточничество (и ощущение, что государство мало делает для наказания коррумпированных бюрократов) являлось также дестабилизирующим фактором, ибо имело следствием большие расходы, обостряло дефицит, способствовало развитию в народе циничного отношения к государственным учреждениям и, в сущности, к государственной власти в целом, вредило имиджу революционного государства за рубежом. Уверенность, что скудные блага распределяются благодаря незаконно приобретенному доступу, а

не в зависимости от нужд и спроса, дискредитировала обещание партии обеспечивать всех в равной мере. Взятничество в судебных и правоохранительных органах могло посеять сомнения в беспристрастности правосудия и даже в легитимности государства. Партийные руководители, признавая, что коррумпированная бюрократия и хозяйственная администрация могут ослабить способность государства проводить свою политику, пытались, правда непоследовательно, приструнить распоясавшихся чиновников.

Стремясь объяснить причины живучести коррупции в Советском Союзе, следует отбросить обычные стереотипы: идеи о некоей «дефективности» национального, этнического или расового «характера» и примитивные представления об исторической преемственности⁵. Объяснения, фокусирующиеся на аморальности некоторых «дурных» индивидов или развращенной (и развращающей) природе либо капитализма, либо коммунизма, также неудовлетворительны. По мнению Джеймса Скотта, наиболее плодотворны два пути: во-первых, посмотреть на структурные факторы, дающие возможности и мотивы индивидам – предлагать незаконные подарки, а чиновникам – принимать их; во-вторых – на сформированные культурой ценности, помогающие определить приемлемые (и неприемлемые) отношения между чиновниками и людьми, которых они обслуживают по должности⁶.

Взятничество всегда явственно фигурировало в современном мире с его крупными, разрастающимися государствами и бюрократиями и отнюдь не ограничивалось системами советского типа⁷. Выводы, сделанные в данной работе, касаются не только советской истории или авторитарных режимов. «Коррупционные» отношения существовали и существуют во всех социально-экономических и политических системах, социалистических и капиталистических, диктаторских и демократических⁸. (Абсолютно рациональной государственной бюрократии, конечно, не бывает; есть лишь разные степени иррациональности.) Коррупционным практикам в Советском Союзе благоприятствовали структурные факторы, одинаковые для многих обществ: властная структура, в определенной мере ограждающая элиты от судебного преследования; плохо оплачиваемое и обученное чиновничество; широко распространенные дефицит и бедность; отсутствие оппозиционных партий и независимых средств массовой информации, не дающее людям влиять на выработку политики и разоблачать злоупотребления.

Тем не менее именно благодаря природе сталинских государства и экономики бюрократы находили богатые возможности получать выгоду за счет государства – и населения, которое обслуживали. Условия для воровства и самообогащения вызрели в бедлам пятилеток. Командная экономика породила взятничество, расхищение государственной собственности и другие должностные преступления. В строго иерархической, негибкой системе администраторы имели огромный стимул выполнять плановые задания любыми средствами, особенно учитывая суровые наказания за невыполнение. Черные рынки дефицитных товаров и услуг процветали⁹. В число экономических факторов, способствовавших такой ситуации, входили национализация собственности и инфраструктуры, старания режима уничтожить почти все капиталистические отношения и строго централизованная плановая система с ее «узкими местами» и хроническим недопроизводством. Всепроникающий, настырный и деспотичный государственный аппарат, ведавший распределением громадных ресурсов, предоставлял госслужащим неисчислимые возможности наживаться на своей должности¹⁰.

* * *

Во время войны режим столкнулся с экстраординарными новыми вызовами. Посреди боев политическое воспитание партийных кадров приостановилось. Девять миллионов членов компартии погибли на войне. В партию были приняты миллионы людей, большинство их не

проходило никакой политической подготовки, перед тем как попасть на фронт¹¹. Партийные руководители бились над восстановлением идейной чистоты кадров, многие из которых, на их взгляд, стали чересчур самонадеянными. Власти обратили внимание на рост взяточничества и других форм правонарушений среди новых (и опытных) должностных лиц.

Сама государственная машина претерпела во время войны радикальные изменения. По необходимости партийное руководство предпочло децентрализовать контроль над разными частями государственной и хозяйственной администрации. Децентрализация предоставила местным должностным лицам больше власти и свободы принимать решения на низовом уровне. Местным руководителям позволили импровизировать, разрешая бесчисленные чрезвычайные ситуации. Кое-где формальные государственные структуры ушли в тень, а порой практически перестали функционировать. Когда война кончилась, партии потребовалось возвращать свой авторитет на местах. Контроль над населением, пока шла война, тоже ослаб, и партийные работники всеми силами старались восстановить и обновить механизмы строгого контроля¹². Ослабление государственных институтов в военные годы привело к развитию персонализированных отношений, которые служили средством заключения подпольных, зачастую нелегальных сделок самых разнообразных типов.

В то же время позднесталинский период стабилизации укрепил власть экономических элит, которые требовали и часто получали больше свободы маневра, дабы пользоваться преимуществами своего положения. Значительная часть чиновничества извлекала выгоду из послевоенной стабилизации способами, которых не было в 1930-е гг., упрочивая свой статус и наслаждаясь плодами победы. Взяточничество существовало наряду с такими укоренившимися явлениями, как патронаж и особый доступ к дефицитным товарам и услугам. Некоторые элиты принудительно облагали поборами подчиненных и все население, зачастую практически при невмешательстве органов партийного надзора и правоохранительных ведомств, бывших, по меньшей мере отчасти, в курсе этой сомнительной деятельности. Как утверждает Вера Данхем, в период послевоенной реконструкции возник стабильный и лояльный «средний класс», ожидавший, в обмен на свое молчаливое послушание центральной власти, большего доступа к материальным благам¹³. Однако нередко возжеланные потребительские товары могли быть получены (и предложены) только через теневые «рынки», часто, хоть и не всегда, нелегальные.

Взятничество в послевоенном ландшафте

Эта книга делится на три части. В первой части рассматривается общая картина взяток во времена позднего сталинизма. Одна из целей данного исследования – расширить наше поле зрения, включая в него не просто экономические и политические элиты, но и попытки простых советских людей неформально управлять системами власти. Многие истории, рассказанные в книге, касаются тех, кто прибегал ко взяткам, чтобы выбраться из кошмарной ситуации: это женщина, предложившая взятку судье, после того как ее мужа приговорили к семи годам заключения за мелкую кражу; заводской директор, откупившийся от ревизора, когда не сумел выполнить непосильный план; семья, которая была эвакуирована из Москвы после нацистского вторжения в июне 1941 г. и не могла вернуться в город, не уплатив дополнительную «мзду» железнодорожному кондуктору; демобилизованный солдат, чью квартиру во время войны заняло государственное учреждение и чья семья осталась на улице, так как он не сунул из-под полы денег кому надо, чтобы вернуть жилье; женщина-юриисконсульт, вынужденная покупать пенициллин для больного мужа на черном рынке, расплачиваясь наличными, которые добывала, от случая к случаю принимая потихоньку «подарки».

В любой работе о коррупции следует уделить особое внимание правоохранительным ведомствам, включая суды, прокуратуры и органы внутренних дел. Судьи, прокуроры, милиция, когда речь идет об исследовании коррупции, играют двойственную роль: они разоблачают и берут взятки; преследуют и стимулируют незаконные выплаты; борются с коррупцией и содействуют ей¹⁴. В конце концов, советские органы внутренних дел и уголовной юстиции, возглавляя расследование дел о коррупции, служили также одним из главных мест ее процветания. Все трудности советской жизни, связанные с жильем, документами, устройством на работу и прочими насущными вещами (вместе с незаконными сделками и «подмазыванием», к которым порой прибегали советские люди, чтобы их добиться), находили концентрированное отражение в правовой системе. Возьмем один из примеров, приведенных на этих страницах: массовые аресты за мелкие хищения и экономические преступления, характерные для послевоенного сталинизма, предоставили гражданам и судебнo-следственным работникам массу возможностей для подпольных сделок, обеспечивающих снисходительность за плату, которая часто маскировалась под «знаки благодарности».

Вторая часть книги оставляет в стороне вопросы экономики и управления (или его недостатков). Она посвящена сформулированному Катрионой Келли понятию «корыстного дарения» как культурной проблеме с глубокими корнями¹⁵. Исследование, касаясь антропологических и социологических моментов, начинается с анализа народных представлений о подарках чиновникам и того, как эти представления взаимодействуют – а порой конфликтуют – с законодательными кодексами¹⁶. Постоянные расхождения между официальной идеологией, народными взглядами, писаным законом и привычными практиками свойственны многим обществам. В данной книге изучение взяточничества отчасти служит средством, помогающим постичь, почему и как индивиды развивали отношения с чиновниками¹⁷. Социально-исторический подход ко взяткам послевоенных лет с уделением внимания народным взглядам на взяточничество имеет целью расширить наше понимание преступности и повседневной жизни в послевоенном СССР.

Социолог А. В. Леденева исследовала некоторые неформальные социально-экономические практики в СССР и России 1980-1990-х гг. Для данной работы особенно важно, что она глубоко проанализировала практику «блата» – общепринятый термин, означающий взаимобмен одолжениями благодаря «связям», дружбе, знакомству и другим личным и профессиональным контактам. Люди старались использовать свои связи, чтобы раздобыть дефицит-

ные вещи: продукты, одежду, прописку, желательную работу¹⁸. Некоторые советские граждане имели патронов, которые помогали им продвинуться по службе или защищали их от наказания. Однако большинству людей блат и патронаж не могли помочь добиться всего, в чем они нуждались или чего хотели. И это не то же самое, что взятки. Как отмечает Леденева, взяточничество и блат – родственные, но все же разные явления. Те, у кого не было полезных контактов или нужных «высокопоставленных друзей», часто прибегали к плате из-под полы – взятке. Для многих попавших в тяжелое положение и не располагавших необходимыми знаниями выхода в виде блата попросту не существовало. Даже обладателям прекрасных связей в одних сферах приходилось давать взятки в других – например, чтобы обойти систему уголовной юстиции, получить хорошую работу или квартиру. Вдобавок многие должностные лица в качестве компенсации риска предпочитали наличные, а не ответные услуги. Повсеместность взяточничества в послевоенном СССР свидетельствует, что блат вряд ли мог решать все проблемы для всех.

Как же люди приступали к делу взяточничества? И как народное отношение к операциям со взятками влияло на их выбор? На предлагаемых страницах эти практики – «искусство взятки», как я их называю, – рассматриваются как своего рода переговоры между советскими людьми и государственными служащими, иногда с элементами принуждения. Я намерен в своей работе выявить негласные «правила игры», включая ритуалы, мировоззрение, этику, руководившие практиками взяточничества¹⁹. Архивные и опубликованные источники отражают разные и временами противоречивые пути отдельных индивидов ко взяточничеству и усилия государства по борьбе с ним. Реакция на взяточничество в народе была столь же разнообразна, сколь само советское общество, – от патриотического возмущения отдельными бюрократами, предающими идеалы родины, и беспокойства из-за нарушения связи между трудящимися массами и социалистическим государством до растущего цинизма ввиду возникновения класса привилегированных чиновников, которые считали себя выше закона. Тем не менее многие люди оправдывали дачу и получение взяток в определенных ситуациях. В иных случаях чиновники говорили, что просто не могли отказаться от подарка просителя; о такой позиции пойдет речь в главе 4. «Допустимое» поведение от «недопустимого» отделяла весьма размытая граница. Что отличало «подарки» или «услуги» от взяток в народном воображении?

Историки Советского Союза не располагают созданными во многих других обществах книгами по этикету и пособиями для желающих поднести, законно или незаконно, дары влиятельным персонам²⁰. Данное исследование предлагает нечто вроде «руководства наоборот», описывающего социальные практики дачи взяток на фоне послевоенного сталинского ландшафта. В нем тщательно собраны познавательные сведения из информативных (хотя и несовершенных) документов, произведенных судебными ведомствами, которые занимались разоблачением, преследованием и осуждением людей, замешанных во взяточничестве. Некоторые из самых плодотворных наших источников, в том числе судебные протоколы, позволяют обвиняемым говорить за себя, пусть и не в идеальных обстоятельствах²¹.

В той части книги, где использованы эти яркие материалы, применяется уникальный подход. Взяточничество рассматривается с точки зрения *участников* процесса, а не только прокуроров, чрезвычайно ограниченной печати или даже тех, кто брал взятки²². Большинство авторов работ, посвященных подкупу, интересуется «политическая коррупция», под которой они обычно понимают преступления высокопоставленных чиновников, обладающих значительной властью. Обществоведы, как правило, сосредоточивают внимание на природе ориентированных «сверху вниз» патронско-клиентских отношений в государственных и экономических структурах. Говоря о взяточничестве, они почти всегда ведут речь о государственных служащих, злоупотребляющих должностным положением. Другая же сторона, *взяткодатели*, остается в научных исследованиях практически невидимой²³.

Отправной точкой для вышеупомянутого подхода служит допущение, что действия, объявляемые незаконными в законодательных кодексах, могут не выглядеть таковыми в глазах самих граждан. Явление, носящее ярлык «коррупции», имеет свои особенности для каждого конкретного времени, места, каждой культуры и политической среды. Признавая, что государственные власти и социальные акторы зачастую по-разному понимают, что такое коррупция, Арнольд Хайденхаймер создал полезную «цветную» схему, где различаются «белые», «серые» и «черные» правонарушения в зависимости от того, в какой степени государственные власти и население осуждают то или иное деяние²⁴. «Черная» коррупция, самая тяжкая форма, осуждается правящими элитами и общественностью в равной мере; «белые» проступки незначительны, и ни большинство общественности, ни элиты не стали бы за них карать; «серая» коррупция располагается между этими очевидными крайностями. К серой коррупции относится поведение, которое элиты обычно считают выходящим за рамки допустимого, а простые люди нередко находят приемлемым либо не имеют на этот счет твердого мнения. В течение почти всего советского периода, включая послевоенные годы, взятки должностным лицам частенько попадали в «серую» категорию²⁵.

Попытки режима понять причины и масштабы взяточничества -и его по большей части неэффективные старания справиться с ним -находятся в центре внимания в третьей части книги. Одной из великих амбиций большевистской революции было достижение издавна лелеемого русской интеллигенцией идеала – страны, очищенной от продажных государственных чиновников (бюрократов). Новый режим рьяно преследовал эту высокую цель в первые годы своего существования. Но партия встретила серьезные трудности. Традиционное правило подношений должностным лицам тесно переплеталось с давно и прочно установившейся практикой выжимания бюрократами дополнительного дохода из населения, которое им полагалось обслуживать. Эти взаимно подкрепляющие друг друга обычаи ставили гигантские препятствия для искоренения подобных злоупотреблений из административного аппарата. Почти сразу стало ясно, что практики и культура взяточничества преодолели революционный рубеж по сути нетронутыми. Власти быстро поняли – к большой своей досаде, – что «социалистические» варианты административных и экономических структур не менее способны предоставлять плодородную почву для семян коррупции, чем «капиталистические», несмотря на попытки государства заклеить такое поведение позором. Нерегулярное преследование мало помогало делу.

Подобно многим государствам, советский режим пытался вскрыть причины взяточничества, классифицировать получение взяток должностными лицами как неэтичное и противозаконное и преобразовать административную культуру. Однако, невзирая на угрозу суровых наказаний, некоторые госслужащие продолжали обогащаться за государственный счет. С тревогой отреагировал режим на свидетельства того, что взяточничество – как многие социальные пороки, включая алкоголизм, домашнее насилие и проституцию, – расцвело после Второй мировой войны.

Централизованно управляемые всесоюзные кампании мобилизовали разные ведомства на борьбу с постоянной преступностью среди должностных лиц. Советская идеология придавала этим усилиям особую окраску. Партия настаивала, что взяточничество – так же как все формы должностной коррупции – совершенно чуждо социалистическому обществу и является отмирающим пережитком «капиталистического сознания». По этой причине самый неприятный для режима вопрос был: почему это предосудительное криминальное поведение не прекращается при только что построенном социализме? В официальной послевоенной риторике взяточничество характеризовалось как редкое явление, стоящее на грани исчезновения и ограниченное горсткой корыстных и «отсталых» личностей. Говорили, будто взяточничество и прочие формы коррупции (как вообще все преступления) находятся в процессе отмирания по мере повышения уровня жизни, социалистической «сознательности» и культурного

уровня населения. Как же могли советские ответственные работники, образцы «новых советских людей», героически служившие в благородной войне за спасение Советского Союза – и всего мира – от фашизма, продолжать совершать эти преступления?

Источники

Принимаясь за исследование коррупции, историк сталкивается с особыми трудностями, связанными с источниковым материалом. Отдельные люди редко признаются в участии в незаконных делах, в частности в получении взяток. Кроме того, большинство государств считают, что коррупция их порочит, и стараются не слишком предавать ее огласке. Взяточничество издавна считалось позорным в большинстве обществ, и Советский Союз не составлял исключения. До 1991 г. источники для исследования коррупции в позднесталинском СССР в основном исчерпывались интересными порой, но довольно краткими газетными заметками, самими законодательными кодексами, ограниченными узкими рамками, даже если часто толковыми, статьями в специализированной юридической печати и небольшим количеством эмигрантских мемуаров. В данной работе использованы все эти существующие опубликованные источниковые материалы соответствующего периода.

Нехватка источников представляла особую проблему для изучающих послевоенные сталинские годы – самый темный, малоизвестный и трудный для исследования период во всей советской истории. Качество официального материала о преступности и правовой системе после войны стало хуже, чем когда-либо. Внутри Советского Союза сама тема преступности в сталинистском обществе являлась практически табу, что мешало серьезному публичному обсуждению ее причин и масштабов²⁶. Статистика преступности оставалась засекреченной. А достоверные источники, документирующие повседневную жизнь после войны, было почти невозможно найти.

До распада Советского Союза в 1991 г. историки не имели доступа к архивным источникам, которые позволили бы подробно изучать взяточничество и другие формы незаконной «предпринимательской» деятельности «изнутри». После крушения коммунизма и частичного открытия многих ранее закрытых архивов новый материал может помочь нам поднять завесу секретности. У нас есть редкая возможность исследовать взяточничество, используя документацию, извлеченную из архивов режима, который рухнул в известной мере вследствие пропитавшей его коррупции.

В этой книге основной предмет ее рассматривается по большей части через объектив органов уголовной юстиции, милиции и «партийного контроля», которые после войны играли важную роль. Критические материалы находятся в архивных фондах Генеральной прокуратуры СССР, хранящихся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ). Прокуратура выполняла ведущую функцию в расследовании и преследовании всех видов должностных злоупотреблений. Сражаясь с преступлениями в собственных рядах, она регулярно составляла обзоры всесоюзной «борьбы со взяточничеством». Фонды Министерства юстиции СССР и Верховного суда СССР (тоже в ГА РФ) содержат протоколы уголовных процессов, свидетельские показания, копии жалоб и заявлений о пересмотре приговоров. Весьма ценной может быть переписка между государственными ведомствами, включая Министерство внутренних дел и органы милиции. В ней затрагиваются щекотливые вопросы, которые никогда не освещались в печати, такие, как расследование дел высокопоставленных судей и других работников, обвиняемых в получении взяток. Исключительные свойства такого материала состоят в том, что некоторые люди, причастные ко схемам взяточничества, говорят о своих действиях под собственным углом зрения. Документация этого типа – нечто редкостное. Подобные документы (хоть и несовершенные, и порой односторонние) позволяют изучить ряд ключевых вопросов, в том числе социальный контекст упомянутой деятельности, ее рационализацию и мотивацию у тех, кто был в ней замешан, конструкцию нарративов о «падших» чиновниках.

Бывший Центральный партийный архив – Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ) – содержит множество богатого материала, включая

фонды Секретариата, Политбюро, важнейших отделов и управлений ЦК, например Административного управления (надзиравшего за судебными ведомствами и органами безопасности), Оргбюро и Управления кадров. Среди этой документации – следственные дела, протоколы заседаний и переписка партийных работников с руководством правоохранительных ведомств. Частично доступно также собрание источников из архива Комиссии партийного контроля (КПК) при ЦК – органа, отвечавшего за расследование проступков членов партии, которые обвинялись в нарушениях морального, идеологического или криминального характера. Полезными источниками являются доклады отдела МВД, который отвечал за координацию работы обширной сети секретных осведомителей, занимаясь искоренением экономической преступности (ОБХСС).

* * *

Годы послевоенного сталинизма не знали грандиозных зрелищ, потрясавших эпоху тридцатых – десятилетие показательных процессов, суровых партийных чисток, лихорадочного промышленного строительства, кровавой принудительной коллективизации сельского хозяйства и голода²⁷. В конце войны чистки и охота на троцкистов и прочих «врагов народа» практически затихли (хотя варианты подобных репрессий повторялись на завоеванных и заново оккупированных территориях западных приграничных областей)²⁸. Ввиду отсутствия такого рода драм почти все исследования позднего сталинизма до сравнительно недавнего времени посвящались высокой политике и международным отношениям «холодной войны»: политическим интригам в Кремле, советской политике в отношении Китая и «третьего мира», войне в Корее, военным и идеологическим установкам Сталина касательно Европы²⁹.

Военные аспекты Второй мировой войны давно интересовали историков, но сама война, как правило, рассматривалась ими в отрыве от ее социальных последствий внутри СССР. Несколько важных новых исследований позднего сталинизма бросили вызов такому стандарту, прочно связав указанный период с военной катастрофой. В свою очередь, быстро развилась социальная история этого периода, породив ряд захватывающих произведений³⁰. В последние годы появилось много прекрасных работ о разных аспектах послевоенного общества, хозяйства и восстановления³¹. В некоторых наиболее плодотворных трудах о позднесталинском периоде обсуждение особенностей послевоенной политики соединяется с пониманием общей ситуации внутри страны³². Обычно также историки, если не считать скрупулезных исследований Питера Соломона и Йорама Горлицкого и новаторских интерпретаций советского права, принадлежащих Джону Хазарду и Гарольду Берману, не уделяют послевоенной сталинской правовой системе того внимания, какого она заслуживает³³. И это, как ни парадоксально, несмотря на огромный интерес к летописям Гулага и инструментам полицейских репрессий 1930-х гг.³⁴ Весьма авторитетной остается реконструкция неформальных отношений в сталинской экономической системе, произведенная Джозефом Берлинером в открывшем новые горизонты трактате 1957 г. о руководстве советской промышленности. Анализируя интервью с эмигрантами, Берлинер подметил, что между управленцами, отчаявшимися выполнить нереалистичные планы, вызрели тайные взаимоотношения. В атмосфере хаоса руководители предприятий в СССР сталинской эпохи, пользуясь личными связями, продавали и обменивали излишки оборудования и материалов, раздували статистику и совершали другие сомнительные (хотя обычно не прямо противозаконные) действия³⁵. Одна из главных заслуг Берлинера состоит в том, что он показал: подобная деятельность представляла собой попытки «предпринимательства» со стороны управленцев в типичном для плановой экономики состоянии хронической неразберихи. В отличие от данной работы, исследование Берлинера сконцентрировано не на

корыстных преступлениях должностных лиц, таких, как прямое воровство, взяточничество, растраты, а на действиях «в пользу производства» (о которых его интервьюируемые, несомненно, говорили охотнее).

В классическом труде о советской нелегальной («второй») экономике и ее отношениях с «клептократией» брежневской эпохи Грегори Гроссман в конце 1970-х гг. отметил большую вероятность «тесной органической связи между политико-административной властью, с одной стороны, и весьма развитым миром нелегальной экономической деятельности, с другой»³⁶. После войны должностные лица тоже порой были глубоко втянуты в дела черных рынков, защищали эти связи и получали от них выгоду, хотя и осуждали их. Взятка, как показывает данное исследование, служила существенным элементом второй экономики в период позднего сталинизма (и осталась таковым в последующие десятилетия).

Эта книга идет дальше интереса к неофициальным отношениям в экономике, разъясняя, как теневые рынки действовали также в кабинетах государственной администрации³⁷. Незаконные рыночные механизмы проникали в государственную бюрократию вне экономической сферы, в том числе в правовую систему, обеспечивая возможность сделок между рядовыми советскими гражданами и должностными лицами. Советские люди могли получить официальные льготы за взятку на теневых «рынках», работавших в госучреждениях, так же как тайком приобретали необходимые товары и услуги, минуя разрешенные каналы³⁸.

Главы

Часть I охватывает две первые главы книги. В главе 1 утверждается, что критическим поворотным моментом в развитии моделей взяточничества, типичных для поздней советской эпохи, стала Вторая мировая война с ее последствиями. Экстраординарная разруха военных и первых послевоенных лет сделала более вероятными тайные контакты между советскими людьми и местными представителями администрации. Перемещение населения, бедность, гигантская нехватка жилья, продовольствия и транспорта, новые трудности, обременявшие правовую систему, провалы в распределении – все это создавало условия, соблазнявшие должностных лиц воспользоваться своим служебным положением. Взяточничество в равной мере смазывало механизмы как официальной, так и неофициальной экономики, помогая системе функционировать. Конечно, это не значит, что все люди участвовали в таких делах или что вся система была целиком коррумпирована. Кто же все-таки участвовал, почему и с какой целью? (Ввиду тайного характера операций со взятками определить в абсолютных цифрах число предложенных и полученных взяток, разумеется, ни в какой системе невозможно, так же как ни в какой стране нельзя выяснить полные масштабы черного рынка или другой нелегальной экономической деятельности.)

В главе 2 фокус внимания смещается в сторону взяточничества среди работников правоохранительных и судебных органов. Огромное число арестов за неapolитические преступления и наплыв подобных дел в суды образуют контекст для роста «дилерства» в перегруженных судебных ведомствах. Аресты порождали протесты и жалобы. Сам объем работы создавал для судей и прокуроров возможность принимать незаконные подношения в обмен на смягчение приговоров или пересмотр решений, если они были готовы рискнуть. В этом смысле крутые сталинские меры по борьбе с хищениями «социалистической собственности», спекуляцией и другими экономическими и имущественными преступлениями неожиданно расширили перспективы предложения и получения взяток. Многие жалобщики и просители, утратив доверие к официальным каналам, обращались к потенциально опасным сделкам с должностными лицами³⁹.

В части II, в главах 3 и 4, мы переходим к анализу народных представлений о взяточничестве, вписывая эту практику в русло традиции подношений чиновникам. В главе 3 говорится, что продуктивно рассматривать взяточничество как своего рода переговоры, обусловленные личными и коллективными ценностями, а не просто гнусные деяния, осуждаемые с точки зрения морали. В таком свете сфера деятельности, именуемой «взяточничеством», в данном исследовании не ограничивается исключительно определениями советского уголовного кодекса, распространяясь также на взгляды, обычаи, социальные обязательства и практики просителей и должностных лиц⁴⁰. В указанной главе освещаются повседневные взаимодействия на микроуровне. Как люди решались давать взятки? Какого рода доводы приводили они при переговорах? И как просители и должностные лица оправдывали свое поведение в качестве взяткодателей и взяткополучателей? В этом контексте в главе 4 внимательно изучается дело грузинского судьи Верховного суда СССР Л. К. Чичуа, арестованного за получение взяток в 1949 г. История Чичуа проливает свет на спорные понятия дарения, взяточничества и социального обмена. Здесь также вводится понятие «культурного брокера» как ключевой фигуры в советских судах. Культурными брокерами служили лица, знакомые и с правовой системой, и с местными традициями и практиками, которые преуспевали, лавируя между первым и вторым, договариваясь о сделках, наводя мосты через культурные разрывы.

Четыре главы части III посвящены некоторым аспектам непоследовательных попыток сталинского государства бороться со взяточничеством в советском обществе. Как показано в главе 5, среди руководства правоохранительных и партийных органов с середины 1943 г.

и в последующие годы все сильнее нарастала тревога из-за распространения взяточничества. Одна из послевоенных «кампаний» провозгласила целью искоренение этого порока из советской действительности. Почему взятки вызывали такое беспокойство? Власти выражали опасение, что их существование может подорвать в глазах населения легитимность государственных институтов и в конечном счете самого режима. Движение против взяточничества было развернуто в 1946 г. и переживало периодические (хоть и недолгие) всплески еще шесть лет; главной, но не единственной мишенью служила коррупция в судах и прокуратурах. Впрочем, на практике эта «кампания» грешила серьезными изъянами, не в последнюю очередь потому, что проводилась в строгой тайне. Почему власти так вяло преследовали взяточничество и не решались допустить публичное обсуждение проблемы? Анализ внутриаппаратных дискуссий по поводу послевоенной «борьбы со взяточничеством» позволяет ознакомиться с официальным отношением к этому преступлению и сомнениями, мешавшими партийным и судебным ведомством энергично принимать против него меры. В главе 6 говорится о широкой сети тайных осведомителей, на которую в период от начала Второй мировой войны и до смерти Сталина опирался советский режим в своих усилиях остановить настоящую «эпидемию» преступлений против государственной собственности и социалистического хозяйства. Наряду с обычной милицейской работой, эта сеть являлась основным инструментом разоблачения коррупционной деятельности советских должностных лиц. В чем была ее сила и ее слабость?

О громком скандале в связи со взятками в советских верховных судах, одном из крупнейших коррупционных дел сталинского периода, идет речь в главах 7 и 8. Практически неизвестная серия разбирательств закончилась осуждением за взяточничество дюжины с лишним ведущих судей страны и сотен других людей. В этих финальных главах подробно описывается ход расследования «Дела верховных судов», как я его называю, от начала в 1947 г. до последнего судебного процесса в 1952 г. Прокуратура предъявила обвинение высокопоставленным судьям верховных судов СССР, РСФСР, УССР и Грузинской ССР, Московского городского суда, а также судьям, работавшим в некоторых других важных региональных судах. Следствие велось в обстановке полной секретности; ни обвинения, ни соответствующие процессы ни словом не упоминались в печати⁴¹. Анализ этих дел соединяет изучение сталинской высокой политики и знакомство с построением нарратива о коррупции и девиантности, а также репрессиями в судебном аппарате после войны. Эти дела никогда еще не становились предметом углубленного исследования. Что же может преследование видных юристов сказать нам о политике борьбы с коррупцией и методах режима в период позднего сталинизма?

Часть I

1. Картина взяточничества и коррупции под сенью сталинизма

По окончании Второй мировой войны Советский Союз мало походил на победителя. Разоренная почти четырьмя годами невероятных испытаний страна была истощена, люди обнищали и нередко голодали. До 27 млн чел., по большей части некомбатантов, погибли, оставив миллионы сирот. Еще миллионы остались без крова. Война сделала 2 млн чел. инвалидами. Еще до нацистского вторжения продовольствия, потребительских товаров и жилья не хватало, они отличались плохим качеством и распределялись неравномерно. Невзирая на быструю модернизацию тяжелой промышленности, уровень жизни в 1930-е гг. резко снизился. Неурожай, случившийся в 1946 г., вызвал в важных сельскохозяйственных регионах голод, который продолжался до 1948 г. и, по самым оптимистичным оценкам, унес жизни 1-2 млн чел.¹ Почти все остальное население страдало от недоедания и болезней.

В таких послевоенных декорациях на всех уровнях общества и экономической жизни обнаруживались многие виды коррупции. Государственные служащие в гражданском обществе самыми разными способами действовали как неофициальные предприниматели, используя свое положение для махинаций и обогащения за государственный счет. Работая в структурах (и обходя правила) плановой экономики, они присваивали и перепродавали государственную собственность, растрачивали фонды, торговали привилегиями, должностями, дефицитными или ценными товарами и заключали сделки, предполагавшие взятки. Некоторые опирались на неформальные сети знакомств и патронажа для прикрытия подозрительной деятельности либо получения материалов, необходимых для бесперебойной работы и выполнения нереалистичных планов. Тем самым должностные лица подставляли себя под обвинения во взяточничестве, растрате, спекуляции дефицитными товарами, злоупотреблении служебным положением и других нарушениях уголовного кодекса. Многие типы деятельности, которую центральные власти клеймили как коррупцию, были прочно вплетены в ткань советской жизни на всех уровнях на протяжении сталинского периода (и в дальнейшем).

Еще до конца Великой Отечественной войны (как называли Вторую мировую войну в СССР) компартия и советские государственные органы объявили различные формы коррупции одной из главных проблем и декретировали новые меры по борьбе с ростом взяточничества и других должностных преступлений. Они также предприняли усилия по пресечению хищений государственной собственности и наживы на дефицитной продукции – ее приобретения и перепродажи, получивших наименование «спекуляции». Эта глава начинается с краткого обзора практик неформального взаимообмена, включающих незаконный обмен между чиновниками и гражданами, в последние годы царской России и первые десятилетия советской власти. Затем мы перейдем к рассмотрению основных видов должностной коррупции в послевоенную сталинскую эпоху, прежде чем приступить к более глубокому изучению главной темы данной книги – взятки. В большинстве глав использованы недавно рассекреченные архивные документы для исследования тех гибридов взяточничества, которые почти никогда не обсуждались публично, но были самыми распространенными и самыми значимыми в период послевоенного сталинизма.

«На что ж привешены нам руки?»: Практики взяточничества в конце эпохи царизма и в ранние советские годы

Не советский режим, конечно, изобрел взяточничество и ввел его в обиход на территории Российской империи². Наверняка никого не удивит, что практики, получившие ярлык взяточничества в Советском Союзе, имели прецеденты при царизме. Один из самых главных – обычай «кормления от дел» (или просто «кормления»), благодаря которому настоящая армия чиновников дополняла маленькие оклады, принимая от населения подарки в обмен на услуги³. Чиновники ждали от просителей, обращавшихся к ним за помощью, бутылки водки, продуктов, банки меда или еще какого-нибудь дара. В работе о крепостничестве в Тамбовской губернии начала XIX в. Стивен Хок описывает систему взимания денежных подарков сборщиками податей, которую можно считать общепринятым вымогательством взяток у крестьянского населения. Прежде чем уплатить подати, человек должен был предложить деньги или что-то натурой целой сворой бюрократов. Полицейские чины тоже брали взятки в качестве довески к нищенским окладам⁴. Крестьяне несли бюрократам яйца, бумагу, свечи, чтобы облегчить себе контакты с представителями государства, часто предъявлявшими необоснованные и обременительные требования. Говоря словами Нэнси Шилдс Коллман, писавшей о более раннем периоде, «дарение имело цель обоюдной выгоды, понятную всем»⁵.

Эти традиции обмена подарками еще больше размывали вечно неясную границу между коррупционными и некоррупционными актами в глазах закона, чиновничества и самого населения. Одни, например, видели в кормлении определенный тип принуждения, тогда как другие – легитимный способ получения чиновниками вознаграждения за оказываемые услуги⁶. Некоторые люди считали свои подарки чиновникам недобровольными, данью своего рода вымогательству. Другие имели причины подносить дары добровольно, рассматривая их как абсолютно приемлемые «знаки благодарности», обещающие беспроblemные отношения в будущем. Применение определения «коррупционный» к подобным деяниям зависело от местных обычаев, прецедентов и конкретных обстоятельств.

Практика «кормления» выполняла в российском обществе несколько функций. Прежде всего она обеспечивала дополнительный доход низшему чиновничеству. Подарки представителям местных властей также позволяли отдельным людям продираться сквозь бесконечный лабиринт законов, предписаний и правил имперской администрации, устанавливая между государственным служащим и подданным персонализированные отношения, основанные на взаимности. Зная о прискорбно маленьком жалованье местного чиновничества, некоторые сочувствовали неимущим чиновникам, пытающимся повысить жалкие доходы, и терпимо относились к неофициальным подаркам. Иной раз высшие власти попросту понимали, что лишённые возможности кормиться от местного населения чиновники могут прибегнуть к еще менее допустимым способам заработка. Например, киевский губернатор И. И. Фундуклей знал, что крупные землевладельцы приплачивают местной полиции. Но губернатор не пресекал такую практику, рассуждая, что если полицейские не будут брать денег у помещиков, то станут принимать взятки от местных воров⁷.

Еще одну практику царской бюрократии можно считать прецедентом для некоторых видов взяточничества в советских учреждениях. Подношения – преподнесение желаемых даров начальству в той или иной организации ради продвижения по службе или гарантированного сохранения за собой должности. Строгая иерархия – с вертикальными, жестко зафиксированными административными лестницами – стимулировала тех, кто занимал низшие ступени, платить вышестоящим в пирамиде власти.

Практики «кормления» и «подношений» превосходно сочетались, подкрепляя друг друга. Низшие чиновники обирали население, скрашивая себе тем самым обязанность подношений собственным начальникам. Такие отношения образовывали настоящую «пищевую цепочку»: вышестоящие кормились от нижестоящих в бюрократическом аппарате, а те, в свою очередь, от населения. Эту-то пищевую цепочку – зависимость простых людей в их повседневных нуждах от платы (порой добровольной) алчным государственным чиновникам и дальнейшие выплаты последним представителям более высоких ступеней иерархии (возможно, еще более корыстным) – позже пытались разорвать советские революционеры.

Почему взятки были так распространены в царской России? Жалованье низшего чиновничества оставалось довольно маленьким, порой ниже прожиточного минимума. Низкие доходы давали бюрократам стимул «кормиться» от населения. Однако только маленькое жалованье не может объяснить повсеместное взяточничество, которое существовало даже среди сравнительно высокооплачиваемых правительственных элит⁸. Наверняка играли свою роль плохое образование и недостаточная профессиональная подготовка. Молодых, неопытных людей назначали на административные посты в провинции, где они, либо не ведая профессиональной этики, либо не желая руководствоваться чувством профессиональной ответственности, смотрели на свою должность как на возможность для обогащения. Не зная – или не уважая – законов, многие чиновники не считали зазорным взимать плату за выполнение своей работы. Сложные и противоречивые правила, персонализация отношений, скверная подготовка полиции, судей и других служащих, чудовищная волокита в административной и судебной системах также предоставляли плодородную почву для распространения сомнительных практик⁹. Все эти факторы почти с такой же силой действовали в советских бюрократических аппаратах.

Ричард Уортман подробно проанализировал развитие в XIX в. российского «правового сознания», которое возникло с ростом уровня юридического образования и подготовки юристов и правоведов. Это сознание в первую очередь наблюдалось на высших уровнях юридической администрации и вызвало некоторое повышение этической ответственности среди работников суда и прокуратуры¹⁰. Тем не менее реформы середины столетия и изменения в менталитете некоторых чиновников не смогли уничтожить приверженность к традиционной практике обмена дарами между гражданскими лицами и чиновниками. Не способствовали они, как указывает Уортман, и возрастанию уважения к закону в массе чиновничества. По словам Катрионы Келли, в конце XIX в. социальная и правовая терпимость к подаркам чиновникам была широко распространена¹¹. Взятничество так глубоко укоренилось в ряде аппаратов, что проверки зачастую вскрывали зараженность им всей службы; упразднялись целые конторы, закрывались целые департаменты¹². (Об имперских законах о взяточничестве пойдет речь в главе 3.)

Большинство представителей российской литературной и политической интеллигенции возмущались, по их мнению, повальной правительственной коррупцией, возвращенной и пестуемой прогнившим самодержавием, которое использовало правовые институты как орудие господства; они бичевали ее с безудержной яростью. Журналист и литературный критик А. И. Герцен выступал в своем журнале «Колокол» с гневными инвективами в адрес отдельных бюрократов, о взяточничестве, растратах и прочих грязных делишках которых ему становилось известно, зачастую от анонимов. Он разоблачал жульничество, нравственную низость, угодничество бюрократов и другие изъязы правосудия (нередко публикуя документы). Бюрократы, говорил он, подкуплены самодержавием: «Люди, берущие взятки, никогда не бунтуют»¹³.

Русская литература XIX в. представляет собой богатый источник образов царских служащих-взяточников наряду со смешными и презрительными зарисовками досадных, часто нелепых взаимодействий российских подданных с продажными чиновниками, как правило, демонстрирующими жадность и леность последних. Портреты провинциальных должностных лиц –

беззастенчивых корыстолюбцев у Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. Е. Салтыкова-Щедрина не подвластны времени. Запрещенная цензурой комедия В. В. Капниста под названием «Ябеда» содержит бессмертные строки, которые поет главный герой, бюрократ: «Бери, большой тут нет науки, // Бери, что только можно взять. // На что ж привешены нам руки, // Как не на то, чтоб брать?»¹⁴

Стереотипы относительно особенно коррумпированных российских функционеров главным образом родились вследствие борьбы между недовольной интеллигенцией и самоуправно репрессивной бюрократией¹⁵. Судьи, судебные клерки и полицейские офицеры, травившие и преследовавшие писателей и общественных деятелей, служили мишенями самых ожесточенных нападков, наиболее памятных по произведениям Гоголя. Либеральные критики самодержавия также порицали продажного мелкого чиновника как символ российской отсталости. Мало найдется свидетельств того, что российские бюрократы как группа были значительно более коррумпированы, чем бюрократы на таких же должностях в других европейских странах. Идеальная веберовская бюрократия с ее абсолютно честным, беспристрастным и профессиональным чиновничеством так и осталась идеалом. Разумеется, коррупция среди российских бюрократов существовала, и кое-кто относился к ней снисходительно, невзирая на старания реформаторов побороть ее. Но невозможно показать *особую* коррумпированность российского чиновничества. Правда, однако, что обычай требовать подарки в обмен на услуги (и попытки состоятельных элит и деловых людей откупаться от чиновников) вызывал особо злую критику со стороны революционеров, вознамерившихся уничтожить царизм.

«На фронте борьбы со взяточничеством» после большевистской революции

Придя к власти в 1917 г., новый советский режим, не теряя времени, принял законодательство, осуждающее отношения между гражданами и должностными лицами (а также между самими должностными лицами), основанные на незаконных подарках или денежных выплатах. Первый советский антикоррупционный закон «О взяточничестве» был издан 8 мая 1918 г. По сути, акт взятки определялся в нем так же, как в царских законах: любого рода подарок официальному лицу с целью изменить решение, принимаемое им в этом качестве. Однако, в отличие от царского закона, в большинстве случаев не каравшего взятодателей, советский устанавливал для всех участников операций со взятками – взятодателей, взятополучателей, посредников – одинаково суровое наказание: как правило, пять лет лишения свободы с использованием на тяжелых работах. Подобно всем большевистским законам того периода, раннее законодательство против должностных преступлений носило строго классовый характер. Правонарушителей из «эксплуататорских классов» обычно приговаривали к особо тяжкому принудительному труду¹⁶. Тем не менее режим мало что мог сделать для прекращения подобных практик, которые, по всем рассказам, продолжали проникать на низшие уровни администрации.

1 июля 1922 г. вступил в силу новый Уголовный кодекс РСФСР. Обвиняемых в пособничестве взяткам теперь ждал по меньшей мере двухлетний срок заключения, иногда с конфискацией имущества. Взяткодатели получали до трех лет. Те, кто брал взятки без отягчающих обстоятельств, могли получить до пяти лет, иногда с конфискацией имущества; отягчающие обстоятельства добавляли как минимум три года лишения свободы. В наиболее серьезных случаях кодекс давал возможность прибегать к высшей мере наказания. (Статья, предусматривавшая смертную казнь, была отменена в 1927 г., в честь 10-летия Октябрьской революции¹⁷.) В отличие от правовой практики при царизме, советские суды обычно выносили тем, кто предлагал взятки, более суровые приговоры, нежели тем, кто принимал, поскольку наверху заявляли,

что дающие взятки предприниматели (которых в тот период называли нэпманами) представляют реальную угрозу советской власти. Советские же должностные лица, напротив, считались людьми в основе своей честными, поддающимися искушению, но способными исправиться (если сами не происходили из эксплуататорских классов). Правовые структуры кодифицировали это различие, карая взяткодателей суровее, чем взяткополучателей.

Некоторые области жизни стали обычной ареной для сделок, включавших взятки. Например, взяточничество, по-видимому, было широко распространено в жилищном отделе Московского горисполкома, отвечавшего за выделение квартир жителям города. Определенная сумма, сунутая из-под полы работникам жилотдела, могла сократить срок ожидания для нуждающихся в квартире с четырех месяцев до суток¹⁸. Взяточничество процветало также на железнодорожном транспорте, где приходилось доплачивать сверху за то, чтобы просто получить билет на пассажирский поезд. ВЧК (политическая полиция) 12 января 1922 г. издала распоряжение, в котором отмечала, что «развивающееся взяточничество на железнодорожных путях сообщения РСФСР приняло за последнее время небывало широкие размеры и наносит колоссальный вред Республике»¹⁹. И в других сферах взяточничество представляло собой рядовое явление. Предприниматели платили железнодорожникам за гарантию быстрой доставки товара, сцепку и расцепку грузовых вагонов, за то, чтобы до их сотрудников дошло продовольствие. Очень плохо оплачиваемая сельская милиция взымала «подарки» деньгами или самогонном. Сообщения о судьях, оказывающих поправки в обмен на спиртное и продукты, наводняли местные и центральные следственные органы. Давно укоренившиеся в деревне формы взаимобмена между крестьянами и чиновниками получили клеймо «взяточничества» от режима, намеренного искоренить «нецивилизованные остатки» царского прошлого²⁰.

Почему большевики так ревностно осуждали берущих взятки должностных лиц? Отчасти по тем же причинам, что и руководство других государств: взяточничество ослабляло центральный государственный контроль над управлением и экономикой. Повсеместное взяточничество подтачивало власть и сужало сферу влияния государства как потому, что подрывало легитимность нового правительства в глазах населения, так и потому, что правительство не могло положиться на коррумпированную бюрократию при проведении своей политики.

Впрочем, режим имел и другие основания для гонений на взяточников. В глазах большевиков взяточничество входило в число наихудших преступлений эпохи царизма. Оно представляло собой вопиющий пример использования богатыми денег для того, чтобы покупать официальные услуги, лишая простых людей справедливого правосудия и крепить власть своего класса с целью эксплуатации трудящихся масс. Понятие взятки служило чрезвычайно доступной метафорой контроля богатых надо всем государством за счет бедных. Взяточничество идеально символизировало пропасть между «государством» и «народом» при капитализме; предполагалось, что социализм сотрет это различие. Согласно мировоззрению большевиков оно неизменно существовало при царях не только потому, что государство его терпело, но и потому, что оно, по сути, являлось ключевой частью центральной нервной системы государства. При капитализме взяточничество якобы имело абсолютно *натульное* значение для выживания всей системы.

Таким образом, новый режим отводил взятке большую символическую роль: она воплощала капитализм в целом, поскольку буржуазия «подкупала» должностных лиц. Постоянно велись разговоры именно о «подкупе» государства, о том, что при капитализме продаются людская совесть и верность (как и все прочее). При описании и осуждении старорежимного взяточничества шли в ход «рыночные» термины: покупка и продажа услуг и доступа к чему-либо, посредники-маклеры, прибыль и комиссионные, — а в основе всего лежала мысль, что должности и должностные лица продавались тому, кто больше заплатит. Социализм обещал покончить с этим «духом продажности», как выразился один комментатор, искоренив капитализм²¹.

Свержение капитализма означало освобождение от влияния гнусных, тайных закулисных сделок, помогавших эксплуататорским классам сохранять свое положение. Представление о всеохватывающем классовом антагонизме играло определяющую роль в первых антикоррупционных усилиях советской власти, как почти во всем, что делали большевики.

Взяточничество для большевиков олицетворяло также *моральный* упадок капитализма. Коррупционные отношения, по их мнению, образовывали гнилой стержень старого мира. С этой точки зрения, наступление на взяточничество являлось важным аспектом попытки создать чиновника нового образца – редко встречавшегося в царской России – честного и беспристрастного бюрократа, который будет видеть свой долг в служении трудовому народу, а не алчной буржуазии²².

В конце 1920-х – начале 1930-х гг. резко усилилось беспокойство по поводу взяточничества в партийных и судебных органах, что совпало с насильственными мерами Сталина по очистке деревни от капиталистических «элементов» путем коллективизации сельского хозяйства. Главными виновниками взяточничества снова объявлялись враги социализма, на сей раз так называемые кулаки – предположительно «богатые» крестьяне, сопротивлявшиеся посягательствам государства на их землю, сельхозинвентарь, технику и скот. Согласно официальным разъяснениям, кулаки пытались сохранить за собой землю, откупаясь от заготовителей и местных представителей власти продуктами и (особенно) спиртным²³. Таким образом, власти опять говорили о взяточничестве как о средстве классовой войны, в ходе которой капиталистические элементы, например кулаки, пользовались любым доступным оружием, дабы помешать упрочению власти «народа».

В середине и конце 1930-х гг., однако, внимание правоохранительных органов как будто отвлеклось от проблемы взяточничества. Прокуроры начали пренебрегать этим преступлением по ряду причин. Одним из важных факторов стало официальное утверждение, будто взяточничество, как многие преступления, в социалистическую эпоху практически устранено из советского общества, за редкими нетипичными исключениями. Такое объяснение приобрело популярность особенно с окончанием коллективизации и объявлением, что социализм «построен», в 1936 г. С тех пор взяточничество рассматривалось как пережиток почти отмершей капиталистической системы и *должно было* стоять на грани исчезновения. Считалось, что лишь отдельные «саботажники», «кулаки», «вредители», некоторая часть дореволюционной интеллигенции и прочие «враги трудового народа» могут заниматься этим постыдным делом.

Кроме того, политические приоритеты режима вступили в новую фазу. В огне террора и охоты на ведьм органы безопасности маниакально сосредоточились на арестах «политических» преступников и вылавливании опасных «социальных отщепенцев». Партийных руководителей занимало преследование троцкистов и других «предателей», которые обвинялись по статье 58 Уголовного кодекса РСФСР 1926 г., касавшейся различных преступлений против государства. В тот период сверхбдительности по отношению к «врагам народа» взяточничество редко попадало на радары партии и органов безопасности. Когда оно все же *разоблачалось*, то, подобно любым должностным преступлениям в 1930-е гг., трактовалось властями как сознательный антисоветский акт, предпринятый с целью подрыва социализма. Так же как в 1920-е гг., взяточничество считалось атакой на всю социально-экономическую систему, а не просто отмирающим культурным артефактом либо плодом жадности или отчаяния отдельного индивида.

Итак, накануне Второй мировой войны взяточничество, с официальной точки зрения, продолжало существовать лишь в небольшом «отсталом» сегменте советского общества, среди крошечной доли населения, все еще зараженной ядовитым, но отмирающим наследием «буржуазной» идеологии и привычной алчностью, связанной с частной собственностью. Несмотря на официальные прокламации, взяточничество, конечно, в 1930-е гг. никуда не делось. Его виды и сферы проявления в основном оставались теми же, что и в предыдущем десятилетии. В судах, милиции, жилищных и снабженческих ведомствах, инспекциях, промышленности,

армии, колхозах – советские люди совершали сделки с должностными лицами, чтобы обмануть процедуры и правила, получить освобождение от обязательств либо иным образом «подмазать колеса» в обход официальных установлений²⁴.

В общем и целом, большевики верили, что если они сумеют уничтожить капиталистическую инфраструктуру и корпорации, разорвать связь между правительством и частным капиталом, то для коррупции не останется почвы. Они правильно идентифицировали взяточничество как *сделку* между по меньшей мере двумя сторонами (обычно вступающими в нее добровольно). Но аргумент, что взятки в ходу только среди состоятельных, алчных негодяев, в ком еще живо наследие капитализма, искажал природу социальной жизни. Бедные и отчаявшиеся – и обнищавшие бюрократы, и притесняемые простые люди – тоже совершали сделки, так же как представители нарождающихся среднего класса и свободных профессий. Большевистский анализ, сильно отягощенный моральной и идеологической тенденциозностью, не давал увидеть многообразие функций и причин взяточничества в обществе царской России и первых лет советской власти. Корень недопонимания таился в основополагающей уверенности, что хорошие, честные, преданные советские граждане никогда не будут вступать в незаконные сделки с должностными лицами. Аналогично фантазии, будто в социалистической стране взяточничества не может быть, упускали из виду тот факт, что подобные отношения существовали столько же, сколько существуют государства, и не выказывали признаков исчезновения.

Послевоенный «базар» коррупции

В период послевоенного сталинизма большинство преступлений, трактуемых в данном исследовании как «коррупция», включая взяточничество и злоупотребление служебным положением, относились, по формулировке УК РСФСР 1926 г., к категории «должностных преступлений». Понятие «злоупотребление служебным положением», к примеру, охватывало преступления должностных лиц, наносящие материальный ущерб государству, которые не попадали точно под другие статьи кодекса. Злоупотребление служебным положением (ст. 109 УК РСФСР) определялось как действия должностного лица, которые нарушали правильную работу учреждения или предприятия и влекли за собой имущественный ущерб или нарушения общественного порядка. Власти сетовали, что многие люди, которых следовало бы судить за преступления более тяжкие, вместо этого обвинялись в злоупотреблении служебным положением. В одном из докладов прокуратуры, например, отмечалось, что суды слишком часто осуждают растративших фонды директоров магазинов за злоупотребление служебным положением, а не за хищение государственной собственности, требующее гораздо более суровой кары²⁵. Число осужденных за злоупотребление служебным положением выросло с 47 тыс. чел. в 1940 г. до 48,5 тыс. чел. в 1944 г. и 72 тыс. чел. в 1946 г., достигнув пика (82 тыс. чел.) в 1946 г.²⁶

Наиболее значительный послевоенный закон, касавшийся правонарушений должностных лиц, был направлен против хищения «социалистической и общественной» собственности. Выражение «социалистическая и общественная собственность» подразумевало собственность государства, имущество колхозов, профсоюзов, клубов и других так называемых кооперативных организаций. Определение «социалистическая» применительно к собственности, по сути, служило синонимом «государственной».

Чрезвычайно суровый указ, выпущенный 4 июня 1947 г. (известный как указ от 4 июня), предусматривал не менее 7 лет заключения за хищение государственной собственности, минимальное наказание за которое прежде составляло три месяца лишения свободы²⁷. За повторные, «групповые» преступления и хищения в особо крупных размерах печально знаменитый указ вменял в обязанность давать от 10 до 25 лет²⁸. (Смертную казнь отменили парой недель

раньше, в мае 1947 г.) До 1947 г. такие преступления карались по ст. 116 УК о растратах и злоупотреблениях; ст. 162 о расхищении и мелких кражах госсобственности; указу от 7 августа 1932 г. Согласно одному докладу, присланному Сталину и Г. М. Маленкову министром юстиции СССР К. П. Горшениным, материальный ущерб от хищений госсобственности оценивался в 1948 г. почти в 1,5 млрд руб., а в 1949 г. более чем в 1,2 млрд руб. Причем, заметил Горшенин, из-за недостатков в раскрытии и учете хищений реальные цифры наверняка намного больше²⁹.

Число приговоров, выносимых за год обычными судами за хищение государственной собственности, в тот период варьировало от более чем 454 тыс. в разгар кампании против хищений госсобственности в 1947 г. до примерно 180 тыс. в 1952 г.³⁰ В партийных рядах злоупотребление служебным положением и хищение социалистической собственности также являлись часто наказуемыми проступками; с 1946 по 1951 г. около 180 тыс. чел. были исключены из Коммунистической партии за такие нарушения³¹. Среди исключенных партийцев расхитители госсобственности составляли самую большую долю из 15 категорий виновных в правонарушениях, которые могли повлечь за собой исключение. В те годы от 27 до 31 % исключенных потеряли партбилет за злоупотребление служебным положением или хищение государственной собственности.

Фактически указ 1947 г. о хищении государственной собственности породил классическую советскую кампанию: короткий период массовых арестов в месяцы, последовавшие за его обнародованием, затем постепенный спад преследований по мере затухания кампании. Под нее каток попали три категории советских подданных. Во-первых, в 1947–1953 гг. указ привел к аресту сотен тысяч колхозников, обвинявшихся в воровстве продуктов, скота или зерна из колхозов после голода 1946 г. По-видимому, указ и был вызван к жизни этим массовым расхищением колхозной продукции голодающими колхозниками во время неурожаев. Помимо них, сотни тысяч промышленных рабочих обвинялись по указу от 4 июня в воровстве фабрично-заводского имущества³².

Однако по этому указу арестовывались в массовом порядке также представители третьей социальной категории – ответственные работники и служащие. Третий тип имущественных преступлений привлекает меньше внимания ученых, обсуждающих указ от 4 июня. Как показывают имеющиеся данные, лишь половину арестованных за хищение госсобственности в 1947–1952 гг. составляли рабочие и колхозники; среди остальных очень много должностных лиц. Десятки тысяч их были арестованы, осуждены и приговорены к предписанным длительным срокам заключения за разного рода кражи государственной собственности при исполнении своих служебных обязанностей.

На указ от 4 июня стоит смотреть не исключительно как на меру против воровства крестьян и рабочих, а как на атаку в трех направлениях, включая служащих, например бухгалтеров и счетоводов, а также директоров предприятий, магазинов, заведующих складами и председателей колхозов. Почему указ затронул бюрократический аппарат? Расхищение государственной собственности во время и после войны возрастало, и это было сочтено крайне вредным для государственных интересов³³. Советские власти заявляли, что социалистическая собственность на средства производства, один из главных оплотов советского общества, в ответе за его научно-технические достижения, которые способствовали победе во Второй мировой войне.

Кроме того, прокуроры обнаружили, что должностные лица стояли во главе многих схем хищения. Довольно часто ключевую роль

в самых крупных и лучше всего организованных преступлениях играли ответственные работники. Они могли содействовать преступлениям, «колдуя» с бухгалтерской отчетностью, покрывая кражи со складов, сбывая товары спекулянтам, используя свои связи или положение для маскировки преступной деятельности и собственной выгоды. Еще в конце 1946 г., когда представители заготовительных органов сетовали на масштабы воровства в колхозах, многие

из них винули не только крестьян, но и административных работников. В сентябре 1946 г., например, министр заготовок СССР Б. А. Двинский жаловался в Совет министров, что в большинстве дел лица, ответственные за охрану украденной продукции, такие, как заведующие складами и заготовительными пунктами, были замешаны в кражах³⁴. В письме Берии, датированном 30 декабря 1946 г., министр юстиции Н. М. Рычков излагал подробности ряда крупных дел о краже зерна. Почти в каждом случае прокуроры утверждали, что движущей силой махинаций являлся администратор – председатель колхоза или директор совхоза³⁵.

Сосредоточенность режима на защите государственной собственности в сочетании со всеобщей послевоенной неразберихой создала обстановку, в которой старания покончить с хищениями госсобственности вылились в широкомасштабные аресты должностных лиц. Можно утверждать: указ от 4 июня составлял часть антикоррупционных усилий, нацеленных, в частности, на средний и нижний уровни бюрократии, которые подкреплялись возникшим среди некоторых представителей судебной и партийной власти ощущением, что воровство ответработников стремительно выходит из-под контроля. Не то чтобы июньский указ, кстати, составленный и редактировавшийся лично Сталиным³⁶, метил *в первую очередь* в должностных лиц, заподозренных в краже госсобственности. Власти, скорее всего, задумали его во время голода 1946–1947 гг., желая модернизировать августовский указ 1932 г., который применялся для преследования отчаявшихся крестьян, воровавших продовольствие в годы голода после коллективизации. Указ 1932 г. предписывал минимальное наказание за хищение госсобственности (в ту пору главным образом кражу зерна и скота из колхозов) в виде 10 лет заключения, а в особо чудовищных случаях позволял смертную казнь. Количество осужденных по нему достигло пика в 1933 г., а затем быстро пошло на спад³⁷. Указ от 4 июня пошел дальше августовского указа 1932 г., распространившись на некоторые должностные преступления, включая растрату и присвоение средств или государственного имущества (по ст. 116), которые раньше в уголовном кодексе не относились к имущественным преступлениям. Поэтому такие преступления теперь карались гораздо строже – как правило, не менее чем семилетним сроком лишения свободы³⁸. Полезность указа от 4 июня для наказания злоупотреблений официальных лиц, вероятно, стала более очевидна, когда его начали применять на практике³⁹.

Взятничество как вид преступления – историческая справка

В более широком контексте борьбы с должностными преступлениями взяточничество имело свои интересные особенности. Примечательно, что наказания, установленные УК РСФСР 1926 г., не менялись до 1953 г. (и дальше; первый их пересмотр произошел в Уголовном кодексе 1960 г.), несмотря на огромные политические и экономические перемены. Две статьи УК РСФСР 1926 г. касались взяточничества, которое закон определял как ненадлежащее влияние на выполнение должностным лицом своих служебных функций в интересах дающего взятку⁴⁰. Люди, *получавшие* взятки, обвинялись по ст. 117, тогда как *дача* взятки и посредничество во взяточничестве подпадали под ст. 118. Уголовный кодекс классифицировал взяточничество как должностное преступление – т. е. преступление, совершаемое должностным лицом благодаря своему служебному положению. Кодекс не относил взяточничество ни к хозяйственным преступлениям (как, например, спекуляция), ни к преступлениям против социалистической собственности (таким, как кража).

Конечно, раздача взяток часто представляла одно из важнейших условий в схемах спекуляции, растраты и присвоения госсобственности. Закон признавал, что взятка может предлагаться наличными либо в форме иных ценных вещей (или услуг), включая «скот, зерно, одежду, мануфактуру, водку, продукты питания и т. п.»⁴¹. По закону, даже если должностные лица просто принимали подарки, сделав то, чего закон от них требовал, они тем самым совер-

шали преступление в виде взяточничества. Должностные лица не могли дополнительно «вознаграждаться» за исполнение части своих обычных обязанностей. Обвинявшиеся во взяточничестве нередко оправдывались именно в этом духе: дескать, ничего преступного не сотворили, всего лишь приняли знак благодарности за хорошо сделанную работу. В отличие от царского законодательства, советское рассматривало даже такое вознаграждение постфактум как серьезное преступление, подлежащее наказанию по статьям о взяточничестве.

До 1946 г. служащий-взяточник мог получить при отягчающих обстоятельствах от 5 до 10 лет заключения, хотя столь суровые приговоры бывали довольно редко. Большинство осужденных за получение или дачу взяток до 1946 г. приговаривались к лишению свободы на срок от 6 месяцев до 2 лет, к условным срокам либо исправительным работам на рабочем месте. После введения крутых мер летом 1946 г. наказания несколько ужесточились (хотя законы не изменились), и большинству осужденных взяточников и взятодателей давали от 2 до 5 лет, при отягчающих обстоятельствах – до 10 лет.

Невозможно точно определить абсолютный уровень взяточничества в столь закрытом обществе, как сталинский СССР. (Даже в демократических обществах со свободной прессой и сравнительно доступными данными по преступности рассчитать масштабы незаконной экономической деятельности невероятно сложно.) Тем не менее и рассказы из жизни, и архивные материалы свидетельствуют о широкой распространенности этого явления после войны. Хотя криминальная статистика, вероятно, не говорит всего, в 1945-1953 гг. самое большое число осужденных за взяточничество по стране за год составляло только около 5,6 тыс. чел. (в 1947 г.) – цифра, явно сильно заниженная, как всегда, когда речь идет о делах такого рода⁴². Как обычно бывает во всем мире, лишь малая доля случаев взяточничества раскрывалась или преследовалась в судебном порядке. В СССР возможности для взяточничества были чрезвычайно разнообразны, а различные его схемы с большим трудом поддавались выявлению⁴³. Расхождение между реальными масштабами таких преступлений и числом осужденных за них отчасти объяснялось трудностями, с которыми сталкивались правоохранительные органы при их раскрытии, а затем преследовании. Взятка – сделка тайная, без свидетелей, участвуют в ней, как правило, всего два человека (иногда три, если кто-то действует в качестве посредника). Кроме того, как заметила Сьюзен Роуз-Аккерман, «обе стороны сделки заинтересованы в том, чтобы посторонние не догадались о значении платежа, и всеми силами стараются о нем молчать»⁴⁴. Обеим сторонам было выгодно, чтобы успешная операция навсегда осталась нераскрытой.

Отголоски войны

В сентябре 1946 г., менее чем через 18 месяцев после триумфального завершения войны, редакционная передовица в солидном советском юридическом издании, ежемесячном журнале Прокуратуры, Министерства юстиции и Верховного Совета СССР «Социалистическая законность», обрушилась с громами и молниями на тех советских администраторов, которые не извлекли уроков из героического военного опыта. Администраторы-взяточники порицались и осуждались как значительная угроза послевоенному порядку. Редакция относила тревожный рост взяточничества на счет ничтожного меньшинства морально развращенных должностных лиц, которым недоставало патриотизма и чувства долга. В период послевоенных трудностей эти немногие порочные бюрократы воспользовались ситуацией. «Во время Великой Отечественной войны организованная, четкая деятельность всех звеньев государственного механизма способствовала успешному разрешению военных задач, вставших перед нашей страной», – заявлялось в статье⁴⁵. Авторы цитировали сталинскую речь от 6 ноября 1942 г., превозносившую труд советского народа в тылу: «В результате всей этой сложной организаторской и строительной работы преобразилась не только наша страна, но и сами люди в

тылу. Люди стали более подтянутыми, менее расхлябанными, более дисциплинированными, научились работать по-военному, стали сознавать свой долг перед Родиной...» Вторя словам Сталина, редакция подтверждала, что государственный аппарат сыграл большую роль в этой жизненно необходимой работе. Однако, зловеще предупреждала она, отдельные звенья госаппарата «не свободны еще полностью от людей, лишенных чувства гражданского долга, от всякого рода случайных элементов, разгильдяев и жуликов, расхищающих социалистическую собственность, подрывающих правила социалистического общежития, нарушающих государственную дисциплину».

Далее авторы особо выделяли должностных лиц, берущих взятки. Эти преступники морально слабы, им нет места в советском обществе. Взяточники подтачивают способность партии к защите государственной собственности и плановому распределению благ среди населения: «Преступные и морально неустойчивые элементы, проникшие в государственный и хозяйственный аппарат, нередко становятся на путь злоупотреблений, получения и вымогательства взяток в целях расхищения социалистической собственности. Взяточники нарушают нормальную работу государственного и хозяйственного аппарата, подрывают государственную дисциплину и строгое плановое начало – этот непреложный закон советской системы хозяйства». Передовица клеймила берущие взятки «элементы» как «тунеядцев и врагов социализма».

В реальности, впрочем, дело обстояло гораздо сложнее и, по сути, гораздо серьезнее, чем подразумевал этот образчик праведного негодования. Война и ее последствия представляют собой практически непризнанный переломный момент в создании питательной среды для того типа коррупции, который стал характерной особенностью дальнейших периодов советской истории. Конечно, подобные преступления существовали до 1941 г. В начале 1930-х гг. введение пятилетних планов и коллективизация сельского хозяйства стимулировали рост черных рынков и других неформальных институтов внутри обобществленной экономики. В период же войны и послевоенного восстановления сложились условия, которые помогали ускорить процессы и усилить механизмы подпольной экономической деятельности и коррупции. Эти годы открыли предприимчивым государственным служащим, контролировавшим распределение дефицитных товаров и услуг, новые возможности для незаконных сделок с отчаявшимися советскими гражданами и друг с другом⁴⁶.

Великая Отечественная война и первые послевоенные годы действительно создали плодородную почву для взяточничества. В особенности с 1943 г., согласно архивным источникам, начался расцвет самых разнообразных видов должностных преступлений. Условия для такого роста коррупции возникли – или приобрели более выраженную форму – во время войны⁴⁷. Перемещение населения, бедность, крайняя нехватка жилья и продовольствия, расстройство судебно-правовой системы, перебои в распределении товаров и голод поставили в тяжелейшее положение многих советских людей, искушая должностных лиц воспользоваться преимуществами своего служебного положения. Как говорится в одном докладе Министерства юстиции, «общий моральный подъем в стране» в начале войны послужил одной из основных причин спада преступности в 1941–1943 гг.⁴⁸ Однако в 1944 г. аресты за многие типы преступлений, включая хищение госсобственности, злоупотребление служебным положением и взяточничество, существенно участились. На 1947 г. число осужденных за должностные преступления на 40 % превысило довоенный уровень⁴⁹. Этот рост оставался главной заботой властей в период позднего сталинизма и в конечном счете свидетельствует, что правоохранные органы уделяли подобной деятельности больше внимания.

Вместо того чтобы попытаться противостоять своим правителям или даже свергнуть их, советские граждане в отчаянно трудный послевоенный период искали способы справиться с истощением и нищетой. В такой обстановке недозволенные сделки с должностными лицами

стали первейшим средством выживания. Страстно желая (и все больше ожидая) мира, стабильности, крова, работы в награду за жертвы времен войны, люди вступали в тайные, пусть и противозаконные, соглашения с местными представителями государства, которые были в состоянии помочь им. Взятки, сунутые кому следует, смазывали механизмы как теневой, так и официальной экономики.

Правоохранительные органы определяли 1943-1946 гг. как период, когда взяточничество снова превратилось в серьезную проблему во многих областях советской жизни. Характерная для 1930-х гг. точка зрения, что взяточничество в советском обществе практически исчезло, по сути, уже не встречается после войны во внутренних обсуждениях вопроса преступности в партийном и правоохранительном аппарате. Одна инструкция генерального прокурора СССР в середине 1946 г. напоминает о довоенном взгляде сквозь «розовые очки», утверждая, будто за годы советской власти к началу войны взяточничество было почти полностью ликвидировано, главным образом благодаря органам прокуратуры⁵⁰. Тут слышатся отголоски официальной линии, гласившей, что государство до войны в основном покончило со взяточничеством. Сама прокуратура ставила себе в заслугу успехи в пресечении взяточничества до 1941 г., гордясь его отсутствием.

Однако в той же инструкции 1946 г. отмечается, что в последнее время ситуация изменилась к худшему и отвратительный порок взяточничества опять получил широкое распространение. Оно появилось даже среди работников прокуратуры – тех самых людей, которые призваны вести безжалостную борьбу с этим столь опасным для государства преступлением. Раз прокуратура признала скачок такого рода преступности во время войны, тем самым пятная собственную «летопись подвигов», значит, дела действительно обстояли весьма скверно.

Сферы наибольшего расцвета взяточничества указывают на слабые места послевоенного советского общества. Серьезные нарушения в системах производства, распределения, оформления документов, снабжения, транспорта и (как будет показано в дальнейших главах) правоприменения порождали неформальные (и зачастую незаконные) отношения между советскими гражданами и бюрократическим аппаратом. Подобные отношения играли значительную роль во многих центральных областях советской жизни: при распределении жилья, на железных дорогах, в кабинетах местной администрации, на рабочем месте. В сущности, можно утверждать, что взятка выполняла много важнейших социально-экономических функций, служа людям подспорьем, которое помогало справляться с кризисами и повышать уровень жизни.

Как улаживались дела: Виды и функции взятки

Кто хватался за возможность участия в обмене подарками с должностными лицами после войны и какими мотивами при этом руководствовался? На каких аренах советской жизни это сильнее всего превалировало? Какие функции выполняло в послевоенном советском обществе? В большинстве судебных дел о взяточничестве фигурировали ответственные работники среднего и низшего звена, выторговывавшие относительно небольшие денежные суммы или ценности у людей любого социального уровня, от бьющихся с нуждой колхозников и промышленных рабочих до сравнительно благополучных директоров магазинов и заводов.

Изучение картины взяток можно структурировать в соответствии с целями, которым последние служили, и мотивами людей, их предлагавших. Сделки на основе обмена подарками позволяли людям маневрировать в обществе, управляемом на множестве уровней чрезвычайно склонной к волюнтаризму и неорганизованной государственной бюрократией. Вероятно, наилучшим термином для характеристики государственного управления в период позднего сталинизма будет русское слово «произвол», подразумевающее одновременно деспотичность, репрессивность, избыточность и непредсказуемость бюрократии.

В интересах группировки многих возможных типов взяток мы создали четыре общих (порой пересекающихся и отнюдь не взаимоисключающих) категории. Две из них были более распространены в быту, а две другие – связаны главным образом с местом работы. Первая разновидность взяточничества, характерная для повседневного быта, охватывала незаконные сделки, которые люди устраивали, дабы получить то, что, по их мнению, государство *должно им по закону*: жилье, социальные льготы, работу, проезд на транспорте. Взятки второго типа советские люди платили за услуги *в обход закона* – чтобы отвертеться от налогов или других обязательств перед государством, приобрести необходимые документы или прописку. На работе обладатели руководящих постов прибегали к третьему типу взяточничества в стремлении к дополнительным доходам и пользовались своим положением и властью, вымогая «дань» с нижестоящих. Такая дань часто принимала форму платежей от *чьих-то подчиненных*,

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.